

УДК 130.2 + 167.7 + 168.5

EDN RQCZXM

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-3-187-195>

О значении установления инвариантов социокультурного и биологического типов организации для сближения общественных и естественных наук (1977)

Э. С. Маркарян¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН РА, 0010, Армения, г. Ереван, ул. Арама, д. 44

Для цитирования: Маркарян, Э. С. (2024) О значении установления инвариантов социокультурного и биологического типов организации для сближения общественных и естественных наук (1977). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 3, с. 187–195. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-3-187-195> EDN RQCZXM

Получена 25 июля 2024; прошла рецензирование 10 августа 2024; принята 15 августа 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Э. С. Маркарян (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Предлагаемая читателю рубрика «Классика» открывается работой Эдуарда Саркисовича Маркаряна (1929–2011), посвященной постановке и изучению проблемы выявления инвариантов социокультурного и биологического типов организации, а также установлению междисциплинарных и внутридисциплинарных теоретических интеграторов для сближения общественных и естественных наук (1977). Э. С. Маркарян — один из основоположников отечественной культурологии. Эта публикация приурочена к 95-летию со дня его рождения.

В 1960–1970-х годах Э. С. Маркарян инициировал новаторские системные исследования самоорганизации общественной жизни людей и определяющего ее феномена — культуры. Автор предложил системно-функциональное определение культуры как универсального, надбиологически выработанного способа (технологии) человеческой деятельности. Именно благодаря культуре эта деятельность стимулируется, мотивируется, программируется, реализуется, а различные ее исторически выработанные образцы воспроизводятся и изменяются. Таким образом, культура выступает как средство регулирования взаимоотношений человека и природы, отношений между людьми, их отдельными группами и различными обществами.

Особой научной ценностью обладают выявленные автором работы *инварианты*, а также *принципы изоморфизма и изофункционализма*, присущие биологическому и социокультурному типам организации. Эти принципы выражают *фундаментальные общие закономерности*, благодаря действию которых осуществляется процесс эволюции *всех без исключения живых систем и достигается их негэнтропийный и адаптивный эффект*. Необходимым проявлением этих закономерностей оказываются *обязательные для существования любых живых систем программы, несущие концентрированный опыт поколений и соответствующие механизмы его отбора и закрепления*. Наличием этих закономерностей обусловлено *подобие* механизмов естественного отбора (понятых в их чисто биологическом значении) и культурной традиции, несмотря на их качественное различие.

Качественно новый тип интегративных знаний о природе, социальной жизни, человеке и культуре предстает, по убеждению автора, одним из важнейших императивов выживания и развития человечества.

Ключевые слова: история культурологии, история идей, Э. С. Маркарян, междисциплинарность, трансдисциплинарность, интегративность, инварианты социокультурного и биологического типов организации, изоморфизм, изофункциональность

The role of invariants of sociocultural and biological types of organization in the convergence of social and natural sciences (1977)

E. S. Markaryan¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 44 Aram Str., Yerevan 0010, Armenia

For citation: Markaryan, E. S. (2024) The role of invariants of sociocultural and biological types of organization in the convergence of social and natural sciences (1977). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 3, pp. 187–195. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-3-187-195> EDN RQCZXM

Received 25 July 2024; reviewed 10 August 2024; accepted 15 August 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. S. Markaryan (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The new section of the Journal — Classics of Integrative Cultural Studies — opens with the work of Eduard S. Markaryan (1929–2011). It focuses on the identification and study of invariants of sociocultural and biological types of organization. It also attempts to establish inter-scientific and intra-scientific theoretical integrators in order to bring together social and natural sciences (1977). Eduard S. Markaryan is one of the founders of Russian culturology. This publication marks the 95th anniversary of his birth.

In the 1960s and 1970s, E. S. Markaryan initiated innovative systemic studies of self-organization of people's social life and culture as its driver. He proposed a systemic function-based definition of culture as a universal, super-biologically developed method (tool) of human activity. It is culture that encourages, facilitates, programs and implements human activity. It is also responsible for the reproduction and transformation of various patterns of human activity developed over the course of our existence.

A special scientific value of E. S. Markaryan's paper lies in the proposed invariants and the principles of isomorphism and isofunctionalism inherent in the biological and sociocultural types of organization. These principles express fundamental general patterns which drive the evolution of all living systems and ensure their negentropy and adaptation. These patterns manifest themselves as programs that are mandatory for the existence of any living system. These programs pass on the consolidated experience of previous generations and the corresponding selection and adaptation mechanisms. These patterns, despite all possible qualitative differences, determine a certain similarity between the mechanisms of natural selection (in their purely biological meaning) and cultural tradition.

According to E. S. Markaryan, a qualitatively new type of integrative knowledge about nature, social life, humanity and culture is an imperative of human survival and development.

Keywords: history of culturology, history of ideas, E. S. Markaryan, interdisciplinarity, transdisciplinarity, integrativity, isomorphism and isofunctionality.

Понятие человеческого общества и природы в их современном обобщающем значении, которые предполагают прежде всего четкое различие выражаемых ими объектов, существовало далеко не всегда. Их выработка является мыслительным продуктом относительно позднего времени. Как свидетельствуют новейшие исследования по истории духовной культуры, в течение весьма длительного периода человек воспринимал природу и общество в нерасчлененном комплексе, как нечто единое и недифференцированное. Подобное синкретическое восприятие природы и общества характерно, в частности, для всего периода первобытности и архаики (Лосев 1957, 7).

Лишь по мере постепенного развития человеческого интеллекта, в результате изменения

общественных отношений, образования социальных классов, разделения умственного и физического труда и ряда других факторов — создаются предпосылки для более дифференцированного восприятия и осознания природы и общества. Эта тенденция, намеченная уже в древневосточных цивилизациях, рельефно проявилась лишь в Античной Греции, где впервые были созданы соответствующие условия для победы принципа разумного миропонимания, или рационального обоснования (Ахманов 1960; Волков 1971). Это означало отказ от религиозного и исторического авторитета и замену его авторитетом человеческого разума. Победа этого принципа, создав условия для развития собственно научной мысли, обусловила собой, в частности, эмансипацию природы

в сознании человека. Отныне природа предстала перед человеком как определенная внешняя реальность, существующая вне и независимо от него и присущих его социальному бытию отношений и связей.

В то же время преодоление религиозно-мифологического понимания природы и дифференцированное ее восприятие неизбежно вели к другому, не менее важному по своей значимости результату: к уразумению самой социальной жизни человека в качестве самостоятельного, отличного от природы, специфического объекта. Эти процессы знаменовали собой выработку исходных интеллектуальных оснований, требуемых для формирования естествознания и обществознания как относительно самостоятельных областей человеческого знания со своими специфическими предметами и методами исследования.

Хотя, после того как это разделение было четко зафиксировано в системах знания, научная мысль постоянно в той или иной форме вела сопоставительный анализ объектов естествознания и обществознания, сам характер во многом независимого, разобщенного развития этих областей знания и их взаимная недостаточная потенциальная теоретическая подготовленность не создавали благоприятных условий для плодотворного специального и систематического сравнительного изучения закономерностей сфер природы и общества. Если подобные попытки и производились, то они часто выражались в некритическом перенесении свойств и закономерностей одного из этих объектов на другой.

Очень характерен в данном случае пример органической школы в социологии XIX в., представители которой ставили перед собой задачу специального и систематического сравнительного анализа общества и биологического организма. Хотя основателю этого направления Герберту Спенсеру и его последователям в результате своих исследований и удалось прийти к интересным выводам и наблюдениям, исходные методологические принципы этих исследований были порочны в своей основе. Фундаментальная ошибка представителей этого направления в социологии состояла в том, что они не учитывали глубокую специфичность общества как качественно особого образования, обладающего своими собственными законами функционирования и развития.

Несомненно, и они обычно признавали определенные различия между обществом и биологическим организмом, но эти различия выражали не свойства качественно различных уровней организации, а отдельные внешне схва-

ченные мыслью признаки. Так, например, согласно Спенсеру, двумя наиболее существенными отличиями общества и биологического организма следует считать то, что, во-первых, части, составляющие собой животное, находятся в непосредственном соприкосновении, образуют некоторое физическое целое, тогда как живые единицы, составляющие общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении и рассеяны более или менее далеко друг от друга, и, во-вторых, вследствие такой большой самостоятельности частей в обществе не могло создаться центра, в котором было бы сосредоточено общественное сознание, как это имеет место в животном организме.

Выделение этих отличий не могло, конечно, создать достаточной теоретической базы для плодотворного сравнительного анализа с биологическими системами уже по той простой причине, что достаточно заменить объект сопоставления с обществом и вместо отдельного биологического организма взять популяцию, стадное объединение (что, кстати, и следовало сделать по логике вещей)*, как отмеченные Спенсером различия попросту исчезали. В этой перспективе любое зоологическое объединение оказывается наделенным теми специфическими признаками, которые Спенсер усматривал в человеческом обществе (рассеянность единиц деятельности и отсутствие единого органа, подобного мозгу).

Без учета фундаментальной специфики общества, выражающей ему присущий качественно особый уровень движения (Плетников 1971) и организации материи, сравнительный анализ социальной жизни людей с биологическими системами любого типа неизбежно оказывался малопродуктивным и обычно приводил к отождествлению различных по своей природе процессов или же к поверхностным, внешним аналогиям. Например, здания и дороги рассматривались как скелет социального тела, экономика как питание, накопленные блага как межклеточное вещество, техническое оборудование как мускульная система и т. д. Некоторые представители органического направления даже находили в биологическом организме прообразы всех социокультурных явлений, даже телеграфа (Кон 1964, 40).

* Хотя сравнительный анализ общества с отдельным организмом при постановке определенных познавательных задач в принципе вполне возможен, тем не менее непосредственными объектами соотнесения с ним должны выступать обычно различные зоологические объединения как эквивалентные по своей формальной структуре системы.

Правда, не все представители органической школы заходили так далеко. Некоторые из них рассматривали *аналогию* с биологическим организмом как средство, позволяющее осмыслить *общество как целостное образование, части которого функционально связаны между собой*. Но познавательная значимость даже осторожно и умеренно проводимых аналогий без наличия выше отмеченной предпосылки, выражающей понимание общества как особого типа организации, была, как правило, невелика. Они также закономерно сопровождалась биологизацией общественных явлений, сопровождаясь нередко с отчетливо выраженным механицизмом. Так, например, Г. Спенсер, несмотря на то, что он рассматривал общество в качестве некоего органического целого, был очень далек от понимания его как системы в подлинном значении этого слова. Для него был характерен последовательно выраженный механико-атомарный подход к обществу, соответственно которому свойства последнего непосредственно выводились из свойств отдельных индивидов (Спенсер 1896, 322; 1906, 25).

Аналогичным образом обстояло дело и у представителей социал-дарвинизма, которые, в отличие от представителей органической школы в социологии с их акцентом на строении общества, делали упор на проблемах общественного развития. И в работах социал-дарвинистов сравнения общества с биологическими системами выражались в научно-несостоятельной биологизации социальной жизни людей. Взяв за исходный пункт вывод Г. Спенсера о том, что ключ к пониманию социальных явлений следует искать в приспособлении отдельного индивида к окружающей среде, социал-дарвинисты делают его для себя основополагающим и переносят без всяких оговорок на человеческое общество положения теории естественного отбора Ч. Дарвина (Кон 1964; Оранский 1929).

Качественно иные предпосылки сравнения общества с различными сферами природы, в частности с биологическими системами, были созданы теорией диалектического и исторического материализма. Резкая критика, направленная его основоположниками в адрес представителей различных натуралистических школ, ни в коей мере не означала их отказ от сопоставлений общества с природными явлениями. Но эти сопоставления носили принципиально иной характер и имели большую познавательную ценность для понимания общественных явлений. Достаточно вспомнить широко используемую К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным аналогию общества с организмом. Понятие «со-

циальный организм», при учете качественной специфики общественной жизни людей, наполнялось в их трудах совершенно иным содержанием. Будучи полностью лишено биологизаторской окраски, данное понятие в то же время позволило выделить некоторые существенные сходные для общества биологического организма черты, хорошо фиксируемые понятием «*органическая целостность*».

Вообще при оценке имеющихся у К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина сравнений общественных и природных явлений, аналогий между ними следует обязательно учитывать генеральную направленность общественознания той эпохи, обусловленную задачей его предметного и методологического самоопределения в системе наук. В настоящее время, когда эта задача в целом успешно выполнена и намечается *новая стратегия развития общественных наук, выражающая необходимость их многосторонней интеграции с естествознанием*, закономерным образом задается новая направленность сравнительного анализа общественных и природных явлений, аналогий между ними. Обобщая характер аналогий в прошлую и современную эпоху, можно сказать, что если прежде они носили преимущественно «отрицательный» характер, то есть выражали степень различия сравниваемых предметов, то в эпоху интеграции основных групп наук они должны пропорционально сочетаться с «положительными» аналогиями, призванными определить *степень подобия предметов сравнения* (Уемов 1964, 257.).

Задача интеграции общественных и естественных наук, возникновение ряда общих для них фундаментальных проблем и целей исследования предъясняет совершенно иные требования к сравнительному анализу сфер общества и природы. Прежде всего данный анализ должен приобрести систематический характер. Сравнения этих сфер вместо того, чтобы результатиться в отдельных, спорадических аналогиях, как это в большинстве случаев имело место в прошлом, должны стать мощным средством для многопланового проникновения в непознанные тайны природного и общественного бытия. Но для этого подобные сравнения должны приобрести не только систематический характер, но и базироваться на четко установленных принципах исследования.

Как справедливо отмечает В. А. Штофф, смутность применяемых аналогий, отсутствие специального анализа границ, в рамках которых наблюдаемое сходство действительно имеет место, неразработанность оснований, в силу которых допустимы экстраполяции на другие

объекты, часто в истории науки были источником многих заблуждений. Научная аналогия, продолжает он свою мысль, не может базироваться на субъективных оценках, личных впечатлениях и вкусах. Она должна основываться только на объективном сходстве совершенно точно определенных отношений, присущих различным объектам. Поэтому аналогия уместна в тех случаях, когда она является выясненной, то есть когда условия сходства и различия ясно сформулированы и четко определены. Что касается объективной основы всех научных аналогий, то они, подчеркивает В. А. Штофф, обуславливаются материальным единством мира, единством пространственно-временных форм, движения, законов и других общих атрибутов действительности (Штофф 1966).

Качественно новые возможности крупномасштабного использования метода аналогий созданы современными научными поисками **инвариантов** различных сфер действительности, направленными на установление лежащих в основе этих сфер фундаментальных общих закономерностей. Правда, общественные науки по существу пока еще не вовлечены в общее русло этих поисков. В связи с этим задача их интеграции с естественными науками выступает очень важным, необходимым стимулом для включения и сферы общественной жизни людей в число объектов исследования инвариантов различных уровней и форм движения материи.

Об огромном значении поисков инвариантов в современной литературе пишут много. Например, Ю. А. Урманцев, в связи с задачей нахождения инвариантов биологической эволюции, пишет следующее: «Можно надеяться, что на основе биологических законов сохранения, разнообразных инвариантов, симметрии законов живой природы относительно тех или иных преобразований рано или поздно удастся проникнуть в сущность живого, объяснить ход эволюции, ее вершины, тупики, предсказать новые неизвестные сейчас ветви, теоретически возможные и действительные, числа типов, классов, семейств и т. д. организмов. И вообще нужно проанализировать вопрос о том, нельзя ли эволюцию материи в целом и внутри отдельных ее форм представить как групповые преобразования, найти их инварианты и на основе последних определить все возможные варианты эволюции в целом и в частности предсказать возможные ее ветви — число, характер и т. д.» (Урманцев 1968, 85–86).

Намечаемая Ю. А. Урманцевым перспектива исследований действительно весьма заманчива, но она в таком объеме практически не может

быть осуществлена без вовлечения в эту теоретическую перспективу человеческого общества как составного компонента общего процесса эволюции живых систем. Ведь как можно ставить вопрос о потенциальных возможностях эволюции жизни без учета столь уникального ее проявления, каким является социокультурное развитие людей. Тем самым задача, которую рассматривает Ю. А. Урманцев, должна быть сформулирована более широко, а именно: *как задача нахождения фундаментальных инвариантов биологического и социокультурного типов организации.*

Несомненно, это чрезвычайно сложная задача, но от ее успешного решения сегодня во многом зависит судьба многих весьма важных научных начинаний, в частности, создание искусственного интеллекта. Это достаточно убедительно показано американскими исследователями Л. Фогелем, А. Оуэнсом и М. Уолшем, которые, находя бионический и эвристический подходы к проблеме создания искусственного интеллекта недостаточными, предложили подойти к ее решению средствами эволюционного моделирования. Учитывая большие сложности этого пути, они тем не менее считают установление фундаментальных инвариантов эволюции жизни наиболее эффективным средством решения данной проблемы (Фогель и др. 1969, 29).

Одним из непосредственных средств нахождения инвариантов эволюции жизни выступает **проблема исследования изоморфизмов и изофункционализмов социокультурных и биологических явлений.** Эта познавательная задача открывает новую и чрезвычайно перспективную **исследовательскую программу, базирующуюся на установлении подобия структур и функций в контексте качественных различий типов организации.**

На значение этой исследовательской перспективы для построения общей теории систем неоднократно указывал Л. фон Берталанфи (фон Берталанфи 1969). Правда, используемый им термин «изоморфизм» при изучении живых систем оказывается явно недостаточным, ибо он в прямом своем значении призван выразить лишь **структурное** подобие объектов. Между тем не менее важной является задача установления **подобия их функций.** Различать же структурный и **функциональный изоморфизм**, как это иногда делается в литературе (Кондаков 1967, 167), терминологически неточно. Поэтому дополнение понятия «изоморфизм» понятием «**изофункционализм**» при изучении живых систем можно считать вполне оправданным.

В советской литературе значение изучения изоморфизмов общества и биологических систем

отмечалось также и М. С. Каганом. «Если нам известно строение социокультурной деятельности человека, — пишет он, — не в праве ли мы предположить, что биологическая жизнедеятельность ей изоморфна, поскольку первая непосредственно выросла из второй?» (Каган 1974, 90).

Установление изоморфизмов и изофункционализмов человеческой и биологической жизнедеятельности, базирующееся на учете определенного подобия их структур и функций в том или ином аспекте, в отличие от порочной практики непосредственного перенесения специфических закономерностей одной области на другую, строится на качественно иных основаниях. Для того чтобы сделать понятными эти основания, обратимся к имевшим неоднократно в литературе место попыткам объяснить процессы социального развития благодаря принципам теории естественного отбора Ч. Дарвина.

Вряд ли стоит в наши дни затрачивать специальные усилия для того, чтобы доказать ошибочность подобных попыток. Хорошо известно, что, хотя действие естественного отбора полностью и не прекратилось с возникновением общества, тем не менее теория Ч. Дарвина в принципе неспособна объяснить природу социокультурной эволюции, ибо эта теория выражает сугубо биологические закономерности. Но данная проблема предстанет в совершенно ином свете, если мы, используя концептуальную схему, базирующуюся на принципе естественного отбора, как определенную модель, поставим перед собой *задачу исследования изоморфизмов и изофункционализмов биологических систем и общества*. Эта задача будет направлена на установление тех специфических явлений, которые в процессе развития общественной жизни людей выполняют в принципе те же самые *селективные, стабилизирующие, контролируемые и направляющие функции*, какие в процессе биологической эволюции выполняет естественный отбор (Шмальгаузен 1968).

Эта задача подведет нас непосредственно к *механизму культурной традиции*. Нетрудно убедиться, что именно благодаря этому специфическому механизму в человеческом обществе осуществляется селекция и закрепление постоянно имеющих место поведенческих отклонений и инноваций, подобно тому, как благодаря действию естественного отбора происходит селекция и закрепление мутаций генов.

Рассмотренные с этой точки зрения биологическая эволюция и эволюция человеческого общества во многом изоморфны и изофункциональны. И эти явления изоморфизма и изо-

функционализма далеко не случайны, а выражают *фундаментальные общие закономерности*, благодаря действию которых и может в принципе осуществляться процесс прогрессивной эволюции *всех без исключения живых систем и достигаться ее негэнтропийный и адаптивный эффект*. Необходимым выражением этих закономерностей должны явиться обязательные для существования любых живых систем *программы, несущие концентрированный опыт поколений и соответствующие механизмы его отбора и закрепления*. Наличием данных закономерностей и обусловлено определенное *подобие* механизмов естественного отбора (понятых в их чисто биологическом значении) и культурной традиции, несмотря на все их коренное различие.

Аналогичным образом, но уже с обратной стороны, мы можем подойти к проблеме, если используем пример встречающегося в литературе неправомерного расширения понятия «культура» («цивилизация») с целью объяснить, благодаря его непосредственному использованию, соответствующие биологические явления. Особенно часто к этому понятию обращаются биологи, изучающие сложные явления коллективной жизни животных (Шовен 1965, 20). Но все дело в том, что познавательная функция понятия «культура» в современной науке состоит вовсе не в характеристике любого проявления массовой, высокоинтегрированной и специализированной коллективной жизни, а для характеристики именно типа организации и способов деятельности, которые присущи людям.

Однако, как и в приведенном выше примере с понятием «естественный отбор», мы и в данном случае можем подойти к проблеме с качественно иных позиций. Задача в этом случае будет состоять в использовании системы понятий и представлений, сложившихся при объяснении феномена культуры как определенной модели для обнаружения изоморфных и изофункциональных явлений биологической жизни. И эта, так же как и другие подобные ей задачи, открывает чрезвычайно плодотворную исследовательскую перспективу.

Для осуществления исследовательских задач по установлению изоморфизмов и изофункционализмов биологического и социокультурного типов организации важно *использование понятий структурного и функционального эквивалентов*, означающих наличие формально аналогичных структур и эффектов поведения, достигаемых механизмами качественно различной природы. Ярким примером подобных

функциональных эквивалентов являются определенные стереотипы в поведении животных и людей, выполняющие сигнальную, контрольную и связующие функции в процессах их жизнедеятельности. Эти стереотипы поведения известный английский биолог Джулиан Хаксли назвал «*ритуализацией*», намеренно расширив значение данного термина, первоначально использовавшегося лишь для обозначения определенных видов поведения людей (этикета, соответствующих праздничных церемоний и т. д.). Наблюдая за деятельностью животных, Дж. Хаксли, а вслед за ним и другие исследователи сумели заметить, что различные стереотипы в их поведении, выраженные в угрожающих позах, в ухаживании и других телодвижениях, которые они адресуют своим собратьям, выполняют в принципе те же самые регулятивные функции, что и соответствующие установленные в человеческом обществе многообразные ритуалы, несмотря на то, что эти стереотипы поведения базируются на качественно иной основе. В первом случае они базируются на филогенетических, наследственно запрограммированных моделях поведения, во-втором — на приобретенных при жизни моделях поведения, имеющих культурную, социально-символическую природу.

Выше мы уже говорили об огромном значении для процессов интеграции наук фундаментальных теорий и понятий, выражающих общие для объектов этих наук закономерности. Они выполняют *функцию межнаучных теоретических интеграторов*. Но очень важно подчеркнуть, что методологическая эффективность этих *межнаучных* интеграторов может быть достигнута лишь при их пропорциональном сочетании с *внутринаучными* теоретическими интеграторами, то есть теориями и понятиями, призванными обеспечить единство и синтез знания в пределах тех или иных дисциплин или групп наук и выразить специфику их объектов. Понятия «естественный отбор», «генетический код» могут служить примерами подобных фундаментальных категорий-интеграторов биологического знания, в то время как, скажем, понятия «труд», «культура» призваны выполнять интегративную функцию для сферы общественных наук.

Особую роль при сравнительном изучении объектов биологических и общественных наук начинают играть те дисциплины, которые хотя и непосредственно выражают специфику изучаемых этими науками систем, но в то же время выполняют *функцию связующих звеньев, передатчиков и ассимиляторов научной информации* между ними. К числу таких областей знания

относятся, например: этология, зоопсихология, генетика человека — в сфере биологических наук, а также социология, культурология, социальная психология — в сфере общественных наук. Особое интегративное значение в этом контексте я придаю культурологии.

Именно отсутствие культурологии и стремительные успехи, например, этологии и зоопсихологии, привели в странах Запада к усилению негативистских тенденций по игнорированию специфики социокультурных явлений (Федосеев 1967). Эти тенденции явились результатом одностороннего и поверхностного восприятия некоторых установленных свойств поведения животных, которые прежде считались исключительно человеческими. К ним, и в частности, относятся зачатки мыслительной деятельности у высокоорганизованных животных, их способность к аккумуляции и передача прижизненно приобретенного опыта на уровне сообществ. Было бы, однако, в корне ошибочным реагировать на подобные тенденции, обусловленные отсутствием правильных методологических позиций, диаметральной противопоставлением социокультурных и биологических явлений и нежеланием вообще производить сравнительный анализ этих явлений, — как это нередко имеет место.

В этой ситуации как нельзя более важным является выработка правильных научных принципов сравнительного анализа социокультурных и биологических явлений. Следует всегда иметь в виду, что лишь в процессе сравнительного анализа объектов общественных и биологических наук могут быть созданы соответствующие предпосылки для сближения этих наук и более углубленного познания изучаемых ими сфер. Лишь тогда, когда спорадические связи между биологическими и общественными науками будут заменены устойчивыми, многосторонними контактами, способными обеспечить постоянный и широкий обмен информацией об их объектах, — будет создана действительная теоретическая основа для фундированных обобщений о соотношении биологической и человеческой жизнедеятельности и *интеграции* систем знаний о них.

Основные проблемы, вставшие сегодня перед обществознанием и естествознанием в этом отношении, состоят как раз в том, чтобы суметь перевести выявленный глубоко диалектический *принцип изоморфизма и изофункциональности* с уровня философских обобщений на более конкретный уровень и воплотить его в соответствующей специально-научной понятийно-терминологической системе.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Ахманов, А. С. (1960) *Логическое учение Аристотеля*. М.: Издательство социально-экономической литературы, 316 с.
- Волков, Г. Н. (1971) *У колыбели науки*. М.: Молодая гвардия, 224 с.
- Каган, М. С. (1974) *Человеческая деятельность (Опыт системного анализа)*. М.: Политиздат, 328 с.
- Кон, И. С. (1964) *Позитивизм в социологии. Исторический очерк*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 208 с.
- Кондаков, Н. И. (1971) *Логический словарь*. М.: Наука, 656 с.
- Лосев, А. Ф. (1957) *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.: Учпедгиз, 620 с.
- Оранский, С. А. (1929) *Основные вопросы марксистской социологии. Т. 1*. Л.: Прибой, 245 с.
- Плетников, Ю. К. (1971) *О природе социальной формы движения*. М.: Изд-во Московского государственного университета, 247 с.
- Спенсер, Г. (1896) *Социология как предмет изучения*. СПб.: Изд-во А. Якобсона, 405 с.
- Спенсер, Г. (1906) *Социальная статика*. 2-е изд. СПб.: Изд-во В. Врублевского, 536 с.
- Уемов, А. И. (1964) Основные формы и правила выводов по аналогии. В кн.: П. В. Таванец (ред.). *Проблемы логики научного познания*. М.: Наука, с. 250–293.
- Урманцев, Ю. А. (1968) Поли- и изоморфизм в живой и неживой природе. *Вопросы философии*, № 12, с. 77–88.
- Федосеев, П. Н. (1967) Проблема социального и биологического в философии и социологии. *Вопросы философии*, № 3, с. 56–74.
- Фогель, Л. Дж., Оуэнс, А. Дж., Уолш, М. Дж. (1969) *Искусственный интеллект и эволюционное моделирование*. М.: Мир, 230 с.
- Фон Бергаланфи, К. Л. (1969) Общая теория систем: критический обзор. В кн.: В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин (ред.). *Исследования по общей теории систем: сборник переводов*. М.: Прогресс, с. 23–82.
- Шмальгаузен, И. И. (1968) *Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора*. 2-е изд. М.: Наука, 451 с.
- Штофф, В. А. (1966) *Моделирование и философия*. М.; Л.: Наука, 302 с.
- Шовен, Р. (1965) *От пчелы до гориллы*. М.: Мир, 296 с.

References

- Akhmanov, A. S. (1960) *Logicheskoe uchenie Aristotelya [The logical teaching of Aristotle]*. Moscow: "Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury" Publ., 316 p. (In Russian)
- Chauvin, R. (1965) *Ot pchely do gorilly [From the bee to the gorilla]*. Moscow: Mir Publ., 296 p.
- Fedoseev, P. N. (1967) Problema sotsial'nogo i biologicheskogo v filosofii i sotsiologii [The problem of the social and biological in philosophy and sociology]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 56–74. (In Russian)
- Fogel, L. J., Owens, A. J., Walsh, M. J. (1969) *Iskusstvennyj intellekt i evolyutsionnoe modelirovanie [Artificial intelligence through simulated evolution]*. Moscow: Mir Publ., 230 p. (In Russian)
- Kagan, M. S. (1974) *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza) [Human activity (Experience in systems analysis)]*. Moscow: Politizdat Publ., 328 p. (In Russian)
- Kon, I. S. (1964) *Pozitivizm v sotsiologii. Istoricheskij ocherk [Positivism in sociology. Historical essay]*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 208 p. (In Russian)
- Kondakov, N. I. (1971) *Logicheskij slovar' [Logical dictionary]*. Moscow: Nauka Publ., 656 p. (In Russian)
- Losev, A. F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti [Ancient mythology in its historical development]*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 620 p. (In Russian)
- Oranskij, S. A. (1929) *Osnovnye voprosy marksistskoj sotsiologii. T. 1 [The main questions of Marxist sociology. Vol. 1]*. Leningrad: Priboj Publ., 245 p. (In Russian)
- Pletnikov, Yu. K. (1971) *O prirode sotsial'noj formy dvizheniya [On the nature of the social form of movement]*. Moscow: Moscow University Press, 247 p. (In Russian)
- Spencer, . (1896) *Sotsiologiya kak predmet izucheniya [The study of sociology]*. Saint Petersburg: A. Jakobson Publ., 405 p. (In Russian)
- Spencer, H. (1906) *Sotsial'naya statika [Social statics]*. 2nd ed. Saint Petersburg: V. Vrublevskij Publ., 536 p. (In Russian)

- Uemov, A. I. (1964) Osnovnye formy i pravila vyvodov po analogii [The basic forms and rules of inference by analogy]. In: P. V. Tavanets (ed.). *Problemy logiki nauchnogo poznaniya [Problems of the logic of scientific knowledge]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 250–293. (In Russian)
- Urmantsev, Yu. A. (1968) Poli- i izomorfizm v zhivoj i nezivoj prirode [Poly- and isomorphism in living and non-living nature]. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 77–88. (In Russian)
- Schmalhausen, I. I. (1968) *Faktory evolyutsii. Teoriya stabiliziruyushchego otbora [Factors of evolution. The theory of stabilizing selection]*. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 451 p. (In Russian)
- Shtoff, V. A. (1966) *Modelirovanie i filosofiya [Modeling and philosophy]*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 302 p. (In Russian)
- Volkov, G. N. (1971) *U kolybeli nauki [At the cradle of science]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 224 p. (In Russian)
- Von Bertalanffy, K. L. (1969) Obshchaya teoriya sistem: kriticheskij obzor [General system theory — a critical review]. In: V. N. Sadovsky, E. G. Yudin (eds.). *Issledovaniya po obshchej teorii sistem: sbornik perevodov [Research on the general theory of systems: Collection of translations]*. Moscow: Progress Publ., pp. 23–82. (In Russian)

Сведения об авторе

Эдуард Саркисович Маркарян (1929–2011)

Доктор философских наук, профессор, руководитель Отдела ключевых стратегических проблем выживания и развития Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения; президент Международной ассоциации стратегий выживания и развития (Ереван)

Author

Eduard S. Markaryan (1929–2011)

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Key Strategic Problems of Survival and Development of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; President of the International Association of Strategies for Survival and Development (Yerevan)